

УДК 321.01

А.А. Чемшит, профессор, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

На примере Бразилии, Аргентины и Венесуэлы рассматривается применение либерально – демократической модели политической модернизации. Отмечаются факторы неустойчивости и неэффективности политических систем этих стран как следствие их включенности во внешнюю периферию Запада.

Как показал опыт истории, индустриальное развитие общества возможно и на демократической, и на тоталитарной основе. Однако научно-техническая революция последней трети XX века и становление постиндустриального общества существенно изменили облик экономики и радикально модифицировали основные принципы производственной деятельности. В развитых экономиках основой прогресса становится не массовое материальное производство, а индивидуализированное создание информации и знаний, осуществляемое путём максимального использования человеческого потенциала [1, с. 38]. Вызываемые этой трансформацией существенные перемены во всех сферах человеческой жизни (формирование нового типа собственности, сглаживание классовых различий, изменение системы социальных институтов и др.) требуют реагирования адекватным следствием политической структуры.

В этих условиях повышается значение действующей в демократически устроенном обществе системы постоянной смены лиц, обладающих полномочиями правления. Демократический принцип регулируемой нестабильности позволяет легко реагировать на быстрые общественные изменения, присущие современному типу цивилизационного развития. В этом заложены потенциал демократии и её принципиальное отличие от авторитарно-тоталитарных режимов, для которых характерно стремление к стабилизации отношений власти, в конечном итоге приводящее к блокированию нормальных процессов развития государства и общества.

Выработка нового знания и внедрение разного рода инноваций создают специальный фон, на котором постепенно разрушается устойчивость общественной системы. Распространение политических, экономических и социальных отклонений оказывается фатальным для авторитарно-тоталитарных режимов, в которых отсутствует достаточное разнообразие для адаптации к изменившимся условиям функционирования. Поэтому элиты сильно централизованных обществ стремятся минимизировать объёмы

внедрения инноваций, допуская их лишь в масштабах, необходимых для поддержания жизнеспособности социума (прежде всего в военной сфере). Другая проблема, на которую наталкивается производство новой информации – наличие условий для появления изобретений и для их внедрения, то есть условий, позволяющих иметь преимущества от их разработки и применения. В авторитарно-тоталитарных государствах власть монополизирует получение преимуществ от реализации инновационных проектов. Такая узурпация, с одной стороны, сильно снижает инновационную активность, а с другой, – уменьшает вертикальную мобильность компетентных членов общества в соответствии с умением различать прибыльные инновации и перспективные разработки. Таким образом, закрытость и тотальный контроль над ресурсами, характерные для жёстко авторитарного типа общественного устройства, сильно замедляют процессы развития, создают условия для неизбежного отставания страны от блока динамично эволюционирующих государств. В условиях современных приоритетов развития это означает превращение стагнирующего общества в объект мировой политики.

Итак, как свидетельствует опыт второй половины двадцатого столетия, авторитарные и тоталитарные режимы служат препятствием для формирования предпосылок постиндустриального развития. В целом, ситуация, сложившаяся в мире в конце XX века, даёт основания предполагать, что «антидемократические режимы прошли свой апогей, и под воздействием различных факторов будут эволюционировать в сторону демократии» [2, с. 100], причём самыми разнообразными путями. Ситуация значительно обостряется там, где модернизационная модель не позволяет удовлетворить базовые потребности населения. Особенно часто такое случается, если стратегия развития основана на включённости в западные системы на периферийных ролях.

Страны Латинской Америки в XX веке демонстрируют массу примеров такого рода. Длительное время здесь господствовали иллюзии об эффективности быстрой капиталистической модернизации общества. Носителем этих иллюзий было латиноамериканское офицерство, стремившееся перенять опыт США и внедрить его интенсивным путём. Кстати говоря, это стремление вполне соответствовало появившейся позднее концепции С. Хантингтона, суть которой сводится к внедрению и силовой поддержке как бы демократических политических институтов. Но, как бы то ни было, в начале прошлого века во многих странах южноамериканского континента и Центральной Америки институты представительной буржуазной демократии были практически уничтожены, ликвидированы гражданские свободы и образованы проамериканские военные режимы. Однако в самой большой стране Латинского континента

– Бразилии, где власть принадлежала не городской, а сельской буржуазии, ситуация была несколько иная. Защитниками демократических свобод здесь стали «тенетисты», «мелкобуржуазные революционеры в погонах», которые действовали в 20-х – первой половине 30-х годов XX века.

В годы Первой республики (1889 – 1930) политическая система страны находилась под воздействием двух основных факторов. Политическая власть в стране находилась в руках «кофейных» олигархов штатов Сан-Паулу и Минас Жераис. Кофейные плантаторы собирали до 60% урожая культуры, дававшей 70% валютных поступлений [3, с. 242]. Социальный эгоизм толкал олигархов на действия, объективно препятствовавшие развитию других отраслей экономики. Находящееся под влиянием плантаторов правительство скупало излишки зерна и накапливало их до наступления благоприятной конъюнктуры на внешних рынках. При этом государство ещё и кредитовало олигархов, увеличивая тем самым зависимость Бразилии от Англии, а также к перепроизводству кофе.

Если Англия вкладывала капиталы в производство кофе, то США – преимущественно в торговлю и предприятия коммунального хозяйства. Американцы нашли себе и социальную опору – те помещичьи слои, которые проявляли недовольство «гегемонией кофейной олигархии». В результате, ещё в годы Первой мировой войны в Бразилии началось развитие промышленности. Положение рабочих было хуже, чем когда-то рабов: они не были «движимым имуществом» и о них не надо было заботиться. В стране отсутствовало какое бы то ни было трудовое законодательство. Зарплаты не хватало даже на прожиточный минимум. Эпидемии туберкулёза, тифа, жёлтой лихорадки и гриппа были повседневным явлением. Пример России 1917 года вдохновил бразильцев на массовые забастовки и открытое силовое противостояние с карательными органами государства. Однако малочисленность и неорганизованность городских рабочих делали их положение практически безнадёжным. В то же время сельское население, еще недавно находившееся в рабском состоянии и абсолютно безграмотное, склонно было скорее поддерживать традиционных господ, чем любых кандидатов в новые.

В основу бразильской модернизационной модели была положена конституция США. Однако её влияние имело лишь верхушечное значение. Преобладающую часть истеблишмента составляли кофейные олигархи и находившиеся в компромиссе с ними те предприниматели, которые боялись конкуренции с иностранным капиталом. Гражданская оппозиция режиму была слабой и неорганизованной. Разумеется, интересы промышленных рабочих и крестьянства никак представлены не были. Парадоксально, но

интересы народа более всего были близки преобладающей части молодых офицеров вооружённых сил. Именно армия стала питательной средой движения тенетистов (от португальского слова – лейтенант). Впрочем, знание интересов народа вовсе не означало, что тенетисты имели мандат доверия.

В отличие от прочих латиноамериканских стран бразильская армия главным приоритетом властей не была. Местные латифундисты и торговцы сильной национальной армии предпочитали собственные локальные вооружённые отряды. Именно поэтому армия рассматривалась в качестве канала вертикальной мобильности только выходцами из мелкобуржуазной среды городов. Вполне естественно, что мировоззрение части офицеров складывалось под влиянием философской доктрины позитивизма и других идей республиканизма и индустриализма. Кроме того, солдаты и офицеры проходили службу вблизи постоянного места жительства; отсюда была их хорошая осведомлённость о реальных проблемах населения. Значение армии как национального оборонного института резко возросло после Парагвайской войны 1864–1870 гг., ликвидации монархии, института рабства и принятия конституции 1891 года.

Конституция Бразилии содержала статью, которая гласила, что «сухопутные и военно-воздушные войска являются постоянным национальным институтом, предназначенным для внутренней и внешней защиты родины. Вооружённые силы подчинены в рамках закона своим высшим руководителям и обязаны поддерживать республиканские институты». Патриотически настроенное офицерство, глубоко оскорблённое несоответствием идеала могучей и сильной страны и её реальным состоянием, интерпретировали указанную статью конституции как право армии быть контролёром гражданских властей и вмешиваться в политическую жизнь страны, если президент Бразилии нарушает закон. В 1916 году была введена всеобщая воинская повинность, начала укрепляться материальная и кадровая база армии. Её численность превысила 70 тыс. человек. Около 2/3 офицерского корпуса составляли лейтенанты, ставшие главной опорой движения тенетистов.

Политический кризис, перешедший затем в восстание, разразился в 1922 году в связи с попыткой президента от олигархии А. Бернардеша использовать федеральные войска для обеспечения победы своего ставленника на выборах губернатора штата Пернамбуко. Однако это выступление, возглавляемое С. Кампошем, известное как восстание форта Копакабана, было поддержано лишь гарнизоном штата Мату Грошу, а на остальной части страны так и не началось. Поражение восстания 5 июля было целиком закономерным, поскольку было лишь эмоционально-романтическим протестом ещё неорганизованной и слабой контрэллиты.

Начавшиеся после неудачи восставших политические расправы и чистки никак не решали насущные проблемы страны. И в тот же день 1924 года произошло новое антиправительственное выступление под руководством отставного генерала И. Лопеша. 10 июля был опубликован «Революционный манифест 1924 года». Восставшие выдвигали требования немедленной передачи власти временному правительству, сохранения федеральной формы республики и автономии штатов, отмены международных налогов, гарантии конституционных прав бразильцев, запрещения переизбрания президента, губернаторов, сенаторов и депутатов, введения тайного голосования и других демократических институтов и процедур. Однако и на этот раз восстание было подавлено. О тенетистах уже не просто узнали, как в 1922 году. И дело даже не в том, что число участников выступления возросло десятикратно, а в том, что идеи восставших дошли до самых дальних уголков страны. Более того, появился хотя и краткий (1 месяц), но всё же опыт новой жизни. В штате Амазонас, вместо свергнутого губернатора, тенетисты организовали правящую хунту во главе с лейтенантом Р. Жуниором. Хунта конфисковала имущество лиц, подозревавшихся в коррупции, ввела налоги на олигархов, выделила ассигнования для неотложных нужд населения, развернула общественные работы. Память об этом месяце надежд сохранялась в Амазонасе долгие годы.

И все-таки, часть восставших не сдалась. Она организовала партизанскую дивизию и прошла с боями 13 штатов, покрыв с октября 1924 года по февраль 1927 года свыше 25 тысяч километров. Повстанцы форсировали реки бассейна Амазонки (!), горные кручи, шли днём и ночью, в любую погоду, всё время сохраняя инициативу. Стратегия и тактика тенетистов, в том числе практика избегания крупных городов и больших сражений, стали достоянием всего национально освободительного движения, позднее теоретически обобщённым Мао Цзэдуном. Тактический прием «пропаганда действием» сегодня используется даже городскими герильерос. Повстанцы ни разу (!) не потерпели поражения; за счёт внезапности действий, хочется сказать, суворовского маневрирования, они смогли противостоять двадцатикратному численному преимуществу правительственных отрядов. Рейд «Непобедимой колонны» не имеет аналогов во всей истории XX века, даже с учётом Великой Отечественной войны СССР. Тем не менее, в 1927 году крайняя усталость и истощение, отсутствие массовой поддержки «снизу» и рост морального разложения побудили восставших эмигрировать в Боливию, Аргентину и Уругвай.

Однако уже в 1929 году политическая ситуация в стране радикально изменилась. Общий экономический кризис Запада бумерангом ударил и по

Бразилии. Цены на кофе резко упали, резко уменьшилась экономическая активность, массы людей как в городе, так и в деревне остались без каких бы то ни было средств к существованию. В данных обстоятельствах проходила подготовка к президентским выборам 1 марта 1930 года. За высший государственный пост боролись: проправительственная «Консервативная концентрация», защищавшая старую экономическую политику и опиравшаяся на английский капитал, и «Либеральный альянс», отстаивавший интересы торгово-промышленной буржуазии и помещиков южных штатов при активной поддержке США. Несмотря на то, что альянс объективно интегрировал протестные настроения, победу на выборах одержал кандидат от «КК» Ж. Претеш. В конечном счете, это и спровоцировало политический кризис.

Понимая, что до победы остаётся только шаг, руководители альянса вступили в контакт с тенетистами, рассчитывая получить вооружённую поддержку в борьбе за власть. Правящая же элита разложилась настолько, что против неё выступили даже бывшие анттенетисты – Э. Песоа и А. Бернардеш. Часть «движения лейтенантов», памятуя пассивность населения в период «колонны», была за то, чтобы передать инициативу профессиональным политикам. Другая же часть склонилась резко влево в сторону подготовки народной революции, заняв непримиримую антиолигархическую позицию. При этом шансы левых оценивались как более предпочтительные. Правительство правых уже агонизировало. Началась гонка либералов и левых. В «ЛА» возобладали точка зрения, в соответствии с которой необходимо ликвидировать олигархию прежде, чем это сделает его величество народ. Антиолигархическое восстание разразилось 3 октября 1930 года и развивалось с неизменным успехом благодаря военному мастерству тенетистов и переходу части правительственных войск на сторону либералов. Ровно через месяц, 3 ноября, в Рио де Жанейро прибыл лидер либералов Ж. Варгаш, вскоре возглавивший временное правительство.

В период диктатуры 1930–1934 годов движение тенетистов продемонстрировало, что бывает с контрэлитой, ставшей частью элиты. Большая их часть сблизилась с Ж. Варгашем, заняв видные государственные посты, будучи в чине не выше капитана. Другая часть, которым повезло меньше, поддержали бразильских фашистов – Интегралистское движение. Оставшиеся еще до полной ликвидации кофейных олигархов примкнули к коммунистам и организовали Национально-освободительный альянс. Дело дошло даже до нескольких попыток мятежа в ноябре 1935 года. Но, в конечном счёте, всё вернулось на круги своя. Однако на фоне непрекращавшихся коррупции, беззакония и эгоизма, пример революционного героического романтизма, чистота их

помыслов и чувств, органически легли на массовое католическое сознание и превратились в систему мобилизационных мифов, зёрен, давших всходы в 1959 году на Кубе и в конце XX века в Аргентине и Венесуэле. Именно на основе тенетизма появились оригинальные модели антиолигархического политического развития.

Одна из таких незападных модернизационных моделей была реализована в Аргентине. Речь идёт о так называемом перонизме (хустисиализме). Как следует из основного названия, отцом-основателем этой модели был офицер аргентинской армии Х.Д. Перон. Является абсолютно бесспорным то, что созданная Пероном политическая система доказала высокую эффективность. Тем не менее, поразительно то, что такие мировоззренческие антагонисты, как коммунисты и либерал-демократы, одинаково согласны в отрицательной оценке как личности полковника Перона, так и созданного им политического режима. А.К. Дмитриев [4, с. 2] приводит следующие суждения о перонизме. «Перонистская партия – правящая партия, представляющая интересы помещиков и буржуазии Аргентины. Объединяет сторонников президента Перона. Заимствовала демагогические лозунги католической церкви и итальянского фашизма о «классовой гармонии», «о социальном мире» и т.п. для того, чтобы вовлечь в сферу своего влияния мелкую буржуазию и отсталые круги трудящихся. Пытается создать видимость соблюдения его так называемой «третьей позиции», якобы враждебной как империализму, так и коммунизму, в действительности непримиримо враждебна коммунистической партии и рабочему классу» [5, с. 635]. Западные и российские либерал-демократы характеризуют Перона ничуть не лучше: диктатор, душитель демократических свобод, демагог, пособник нацистов, который (вместе с женой) создал «новую базу власти – альянс армии с до этого бесправными массами городских рабочих» [6, с. 676]. Очевидно, что как советских коммунистов, так и западных либералов не устраивало то, что Перон усилил социологический ресурс своей власти за счёт традиционных сторонников левых и правых и, таким образом, создал условия проведения в жизнь своей социальной доктрины, равноудалённой от внешних политических сил.

Мечты Х.Д. Перона об обществе социальной справедливости (хустисиализме) оформились в чётко артикулированную программу под впечатлением политических и экономических достижений режима Б. Муссолини в Италии, где полковник пребывал в качестве военного атташе. Однако нельзя сводить перонизм к итальянскому фашизму и германскому национал-социализму: он ближе к режимам Франко и Салазара, использовавших идеи сильной национальной государственности и социальной солидарности не для внешней экспансии, а для максимально возможного удовлетворения базовых потребностей людей за счёт внутренних источников. Разу-

меется, государственнические принципы Перона не могли быть реализованы в рамках либерально-демократической концепции государственного строя Аргентины, и в 1943 году полковник во главе группы офицеров-государственников совершает переворот. Следующим этапом становления перонистского режима явилось формирование новой системы политического господства – национально-патриотическое движение – хустисиалистская (перонистская) политическая партия (1947 год), действовавшая как «...широкое движение, представляющее интересы всего народа». Таким образом, в глазах западных либералов Перон совершил мировоззренческое преступление, поставив интересы общества как целостности, выше интересов частных лиц, особенно из числа политических и экономических элит. В 1948 году была принята хустисиалистская конституция и начались крупномасштабные социальные реформы.

Политическое устройство страны было откровенно правым, а вот экономическая линия получила левую (социальную) ориентацию. Х.Д. Перон «создал систему всеобщего социального обеспечения, установил новые размеры заработной платы, увеличил потолок минимальных пенсий, резко расширил роль государства в экономике, разработал пятилетний план индустриализации страны, добился (или обеспечил) «... большего равенства в распределении создаваемых обществом богатств». Запрещён детский труд; введены оплачиваемые отпуска; созданы дома отдыха для рабочих и многое, многое другое. И страна меняется на глазах» [7]. Эффективность умеренно левой экономической линии была очевидной: по темпам роста внутреннего валового продукта (ВВП) Аргентина оставила далеко позади все страны Латинской Америки – объём производства физического продукта вырос на 70% [4, с. 2]. И это при том, конечно, что институт частной собственности сохранился, хотя интересы капитала были подчинены интересам государства и общества. Мягкость левой экономической линии подчёркивается ещё и тем, что работа капитала «на общую пользу» обеспечивалась не только силовыми мерами, но и национализацией посредством выкупа собственности у иностранных владельцев. Итак, структурными элементами аргентинской модели политической системы при Х. Пероне стали: правый политический курс и умеренно левая экономическая линия и, таким образом, концепцию государственного строя можно охарактеризовать как социал-консервативную. Это и есть так называемый «третий путь», отличающийся как от социализма (жёсткие левый политический курс и левая экономическая линия), так и от либерализма (левый политический курс и жёстко правая экономическая линия). Поэтому никак нельзя, подобно А.К. Дмитриеву, утверждать, что «Перонизм – это аргентинская модель социализма на основе идей хустисиализма, то есть справедливости» [4, с. 2].

И всё-таки, несмотря на несомненные успехи, перонистская политическая система, как и всякий аналог социал-консерватизма, имела один весьма существенный порок, который и привёл к её падению 24 марта 1976 года. Из того, что режим способен удовлетворить первичные базовые потребности граждан общества, вовсе не вытекает, что эти самые граждане окажут этому режиму активную поддержку в случае возникновения неблагоприятных внутренних и внешних обстоятельств. Любой социал-консервативный режим может успешно воспроизводиться только за счёт возрастания давления на элитарные слои, проявляющегося не только в ограничении их доходов, но и в сужении каналов вертикальной политической мобильности. Такая практика ускоряет процесс формирования и укрепления контрэлиты, как раз и способной организовать мощное активное антисистемное противодействие. Тем более это верно в условиях Латинской Америки, где существование национального государства воспринимается Западом чрезвычайно остро.

Тем не менее, правоконсервативный режим, образовавшийся в Аргентине после свержения правительства преемницы Х. Перона, его вдовы М.Э.М. де Перон, за двадцать шесть лет доказал свою экономическую неадекватность даже в глазах рядовых обывателей. И это неудивительно, так как насаждение правой экономической линии в незападной стране по модели М.Фридмана ведёт к сворачиванию производства и работе экономики, главным образом, на обслуживание всё возрастающего внешнего долга. Режим горилл «... вверг в нищету миллионы аргентинцев» (Э.Дуальде): 40% её населения оказались на грани голодной смерти, что и привело к событиям конца 2001 – начала 2002 года. Возникшие волнения и «кастрюльные бунты» вызвали острый политический кризис. Первый же временный президент, перонист А.Р. Саа прекратил выплаты по внешним займам, чем вызвал недовольство как США, так и у собственной «пятой колонны». Далее последовала целая череда из трёх президентов-однодневок, окончившаяся назначением снова-таки перониста Э. Дуальде, который на чрезвычайном заседании Конгресса объявил: «Я обязуюсь положить конец опустошительной экономической политике... покончить с обанкротившейся экономической моделью, ввергнувшей народ в отчаяние, создать новую модель, ориентированную на возрождение производства и более справедливого распределения доходов» [4, с. 2]. Аналитики прогнозируют, что режим неоперонизма столкнется с целым комплексом факторов внутреннего и внешнего сопротивления, в том числе экономическими санкциями, обвинениями в диктаторстве, тоталитаризме, нарушениях прав человека и так далее вплоть до вооружённой агрессии. До 2002 года в Латинской Америке пример устойчивости против этих факторов был только один – Куба. Теперь появился другой.

После ренессанса перонизма в Аргентине настал черед необоливаризма в Венесуэле. В этой стране модель М. Фридмана реализовывалась ещё более жёстко. Основное объяснение таково: Венесуэла является крупным поставщиком нефти на мировой рынок (четвёртое место) и в США (второе место). Итог «реформирования» закономерен. «Венесуэла, начало 90-х. Большинство населения страны живёт в нищете, впрочем, есть и миллионеры. Правительство, в соответствии с рекомендациями МВФ, ликвидирует последние социальные льготы, но не коррупцию. Голодные бунты становятся привычным явлением. Полиция и армия используются для подавления бедняков. Счёт убитым идёт на тысячи» [7].

Политическая элита Венесуэлы включала в себя два структурных компонента – нефтяной и аграрный. Именно аграрно-нефтяные олигархии спонсировали созданную двухпартийную систему. Однако реальная власть, конечно, принадлежала не публичным политикам, заседавшим в Национальной Ассамблее, а руководству Торгово-промышленной палаты страны «Федекамара», директорату нефтяных компаний (в том числе – крупнейшей государственной компании «Петролеос де Венесуэла») и генералитету. Иначе говоря, олигархия играла роль концептуальной (доктринальной) власти, а формальные правительство и парламент – коллективными и индивидуальными менеджерами на обслуживании интересов элиты. Те же интересы отстаивали СМИ. Разумеется, в стране существует много политических партий, но их программы абстрактны и трудноразличимы и ни одна из них не могла, да и не хотела изменить положение вещей в пользу реализации базовых интересов большинства населения. С другой стороны, в условиях почти тотальной нищеты, политическая система находила какое-то количество приверженцев в социальных низах, в основном среди имевших работу в нефтяной отрасли.

Если либерально-демократическая модель политической системы реализуется в западной стране, описанная выше ситуация естественна и закономерна. В таких обстоятельствах политическая система общества априори не может быть стабильной, ибо двухпартийные «политические качели» только тогда делают систему равновесной, когда распределение симпатий населения между обеими партиями постоянно. А последнее возможно при длительном удовлетворении хотя бы базовых потребностей населения, чего в большинстве латиноамериканских стран не наблюдается. Таким образом, их политические системы изначально работают в режиме катастрофы, в смысле Тома [8, с. 133]. Следовательно, любое, даже очень небольшое изменение внешних и/или внутренних условий может привести к замене политической системы. Так случилось в Аргентине, так произошло и в Венесуэле. Несистемным фактором, соломинкой, сломавшей хребет верблюда, стал венесуэльский полковник Уго Чавес.

Именно этот человек 4 февраля 1992 года «во главе армейской колонны выдвигается к зданию президентского дворца Мирафлорес с требованием отставки главы государства и образования правительства из числа военных и гражданских лиц, не запятнанных в коррупции. Мятеж подавляется, полковник и его соратники оказались за решёткой. Два года тюрем, затем политическая борьба и выборы 1998 года, на которых Чавес получает 80% голосов» [4, с. 2]. Деятельность президента Чавеса в рамках провозглашённой им Боливарианской Революции имела социал-консервативную направленность, то есть полярную по отношению к ориентации предыдущей политической системы. Президент-реформатор не был связан общими интересами с олигархической элитой страны: его опорой мог стать только народ, а организационной основой удовлетворения базовых интересов нации – аграрная и нефтяная реформы. «В рамках первой, за счёт крупных плантаторов он наделил землёй безземельных крестьян, при этом введя государственное регулирование (её, земли – А.Ч.) использования. Что же касается нефтяной реформы, то в её рамках Чавес разрешил ключевой вопрос о распределении ресурсной ренты. Соответственно, если раньше государство получало 16%, то президент поднял эту планку до 30%» [4, с. 2]. И вновь налицо изменение политического курса вправо, а экономической линии – влево.

Уже сама по себе политика втягивания широких масс в политическую борьбу, в том числе на кадровом, отраслевом, местном и других уровнях, для глобалистских структур и, прежде всего США, представляет собой опасный вызов. Но эта активность Чавеса пересекла венесуэльские границы и распространилась на Организацию стран-экспортёров нефти (ОПЕК). Венесуэльскому лидеру удалось самое сложное – «согласовать интересы «умеренных» (Саудовский принц Абдаллах и шейхи Залива) и «радикалов» (Ливия, Иран). И в результате картель вновь стал диктовать порядок цен на нефтяном рынке. Для западных же стран и, прежде всего, Соединённых Штатов, это означало окончание эры 90-х, окончание эры дешёвой нефти. Чавес тогда сказал: «Что бы они делали без нефти? Где бы они были? Пусть платят за экономические выгоды, которые им приносит использование нефти». И пригрозил, что тридцать долларов (за баррель нефти – А.Ч.) – это ещё не предел» [4, с. 2]. А тут ещё С. Хусейн заявил, что в знак солидарности с палестинцами на месяц останавливает экспорт на рынок своего углеводородного сырья, да сами палестинские шахиды заставили США отложить «вторую серию» «Бури в пустыне». И вновь перед глазами американской элиты воскресли образы 1999–2000 годов, когда водители трейлеров стали стихийно перекрывать «фешенебельные автобаны». Если нельзя «приструнить» Садама, так как в Палестине не прекращается Интифада, то может быть можно примерно высечь Уго? На том и порешили.

Организаторы и вдохновители путча спешили так, что на подготовку времени не оставалось. Пришлось прибегнуть к уже многократно использованной чилийской модели: когда нация, как целостность, вовлекается в политические и экономические реформы, следует его организационно разобщить и направить энергию народа не вовне, а вовнутрь себя. Иначе говоря, превратить народ из субъекта политики в её объект. 12 апреля 2002 года подконтрольные олигархам профсоюзы объявили всеобщую забастовку, а затем ещё и организовали античавесовскую демонстрацию в Каракасе (до 300 тысяч человек). Появились первые жертвы. Путчисты (40 высших офицеров, включая 11 генералов и адмиралов) отстраняют Чавеса от власти и подвергают аресту. Его место занимает П. Кармона. Администрация Дж. Буша и Евросоюз поддерживают путчистов, а цена барреля нефти на Лондонской бирже падает до 24,8\$. 13 апреля Кармона приостанавливает деятельность парламента (Национальной Ассамблеи), где 123 из 131 депутата – сторонники смещённого президента, а из официального названия страны (Боливарская Республика Венесуэла) вычёркивает первое слово. Государственная нефтяная компания прекращает поставки нефти на Кубу. На первый взгляд, блудного сына удалось запихнуть обратно в лоно западной демократии. Но так только казалось.

14 апреля на улицы столицы страны вышло уже более миллиона человек, на этот раз уже «за Чавеса». Повстанцы захватывают телевидение и президентский дворец Мирафлорес. Как следствие, в армии и национальной гвардии возникает раскол. Генерал Р.И. Бадюэль восстаёт против правительства Кармоны и во главе 42-го подразделения парашютных войск выдвигается в сторону Каракаса. Уже в начале одиннадцатого часа утра к власти приходит вице-президент Чавеса Д. Кабельо, а чуть позже сам Чавес освобождается военным десантом. Ещё через пять часов восстановленный в должности президент БРВ принял отставку главных «профсоюзников» страны – Г. Парра (президента «Петролеос де Венесуэла») и 10 членов правления ПдВ. Произошедшее дало основания министру обороны Х. Ранхелю заявить: «На переворот мы ответили контрпереворотом. Мы спасём президента и восстановим его у власти. СМИ создали виртуальную страну, и эта страна решила, что таким искусственным способом будет остановлен процесс, начатый Уго Чавесом. Но мы спонтанно ответили, миллионы людей бросились на улицы, и их поддержало решающее большинство вооружённых сил» [9, с. 2]. Восстановление конституционного порядка стоило 41 человеческой жизни и 323 раненых.

Вновь обретя власть, Чавес объявил о втором этапе Боливарианской революции, суть которых состоит в закреплении уже достигнутых результатов на всех участках социальной жизни вдоль всего профиля общественной пирамиды. Дело в том, что конфликт между ощутившей свою

силу венесуэльской нацией и внешней системой господства над ним ещё не исчерпан: он перешёл из открытой острой фазы в скрытую и будет продолжаться на всех уровнях – в борьбе «кадровой, за отдельные предприятия, структуры и участки власти». Успех в этой борьбе зависит от того, удастся ли президенту сформировать свою систему политического господства на подлинно демократических началах. Народ, как грозную стихию, нужно превратить в организованную и исполненную чувства собственного достоинства, силу. Все заявления правительства Чавеса после путча можно разделить на две группы. С одной стороны, президент намерен добиваться гласного расследования и справедливого суда в отношении организаторов переворота и деятельности СМИ, а также «оценить позицию госдепартамента США, который обвинил самого Чавеса в случившемся перевороте и отказался расценить происшедшее, как государственный переворот». С другой стороны, решено, что руководители органов власти на муниципальном и региональном уровне, которые поддерживали путчистов, к уголовной ответственности привлечены не будут: «на выборах их будут судить люди», заявил вице-президент Кабельо.

Приведенные нами данные дают основания для следующих заключений:

1. Использование либерально-демократической модели политического развития в незападной социокультурной среде неэффективно, даже если на первом этапе получены некоторые положительные результаты.
2. Политические системы тех западных стран, где реализована либерально-демократическая модернизационная модель, как правило, не в состоянии обеспечить эффективное и легитимное распределение национальных ресурсов.
3. Причиной неэффективности таких систем является то, что соответствующие страны служат источником ресурсов для внешних политических систем.
4. Неэффективные системы обречены существовать в режиме катастрофы. Их неустойчивость объясняется тем, что не существует легальных способов политического участия, использование которых приводило бы к реализации базовых потребностей большинства населения.
5. Политические элиты в неустойчивых системах фактически представляют интересы не основной части населения, а внешнеполитических субъектов. При этом такие субъекты являются институтами концептуальной власти, а указанные элиты – менеджерами, реализующими интересы внешних субъектов. Слабое государство вынуждено опираться на грубое насилие.

6. Интересы выживания аборигенного населения объективно требуют изменения политического курса вправо (усиления государства), а экономической линии влево (учёт принципа социальной справедливости при распределении ресурсов). Изменение конфигурации компонентов политической системы в указанном направлении может обеспечить только личность, не связанная с реализацией ранее устоявшихся интересов.
7. Изменение качественной определённости политической системы происходит, как правило, в результате прямого массового политического участия обретшего чувство собственного достоинства народа.

Библиографический список

1. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения / В.Л. Иноземцев // *Общественные науки и современность*. — 1997. — № 10. — С. 37–44.
2. Чемшит А.А. Основы политологии: курс лекций / А.А. Чемшит. — Севастополь: Изд-во СВМИ, 1995. — 256 с.
3. Прадо Ж.К. Экономическая история Бразилии / Ж.К. Прадо. — М.: Мысль, 1949. — 436 с.
4. Дмитриев А.К. Из логова демократизма / А.К. Дмитриев // *Дуэль*. — 22 января 2002. — № 4 (250).
5. Большая Советская Энциклопедия. Т. 2. — М.: БСЭ, 1950. — 844 с.
6. История XX века. — М.: Прогресс, 1999. — 810 с.
7. Султанов Э. Уго Чавес. Президент и герой / Э. Султанов // *Завтра*. — 2002. — № 17 (440). — С. 1–2.
8. Петерсен Н. Условия равновесия и устойчивости состояния многопартийной политической системы / Н. Петерсен // *Автоматика и телемеханика*. — 1992. — № 4. — С. 130–138.
9. Хроника борьбы и победы. Пять дней в апреле // *Завтра*. — 2002. — № 17 (440). — С. 24–26.

Поступила в редакцию 1.03.2004 г.